

В. П. ТОЧИНОВ

УСМЕШКИ
КЛУЮ

Усмешки Клио

Виктор Точинов

Усмешки Клио

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Усмешки Клио / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Усмешки Клио)

Книга, написанная на стыке двух жанров: фантастики и исторической публицистики. Действительно ли Советская Россия времен НЭПа была способна построить межпланетный корабль? Существуют ли «колодцы времени»? Можно ли убить льва одной пулей из пистолета Макарова? Кто открыл Антарктиду и кто первым побывал на Луне? Ответы на эти и другие загадки современности и прошлых веков – в новой книге Виктора Точинова.

Содержание

Глава первая. УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ	5
Загадка первая. Люди ниоткуда	6
Загадка вторая. Крепость низачем	8
Загадка третья. Запорожцы за Невою	11
Версия (как и обещано – фантастическая)	13
Доказательства (вполне реалистичные)	14
Заключение	18
Глава вторая. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ	19
1. Случай с командармом Руденко	21
2. Неожиданные союзники Гитлера	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Точинов

Усмешки Клио

Глава первая. УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

*Не трогайте далекой старины,
Она как книга о семи печатях.
Как нам бы ни хотелось,
Нам не снять их.*

Гёте

Русская история пестрит загадками – и чем дальше в глубь веков, тем их больше. Многие поколения ученых мужей ломают головы над объяснением малопонятных мест из ранних наших летописей – вернее, единственной летописи, «Начального свода повести временных лет» – поскольку все иные хроники, свидетельствуя об истории IX – XI веков, просто-напросто пересказывают «Начальный свод» с большими или меньшими искажениями.

Но минус, умноженный на минус, порой дает плюсовой результат не только в математике.

Настоящая глава собирает в одно уравнение три «икса» русской истории, разделенных несколькими веками, но локализованных в одной точке пространства, – и пытается это уравнение решить. Результат получается совершенно фантастический – но, тем не менее, все исходные данные взяты из источников, общепризнанных исторической наукой (трудами Фоменко, Асова и им подобных автор не пользовался). Честно говоря, предлагаемая идея послужила основой для фантастического романа, пока автором статьи не завершено, – но в рамках весьма динамичного сюжета никак не помещались все исторические выкладки... Посему в романе остался лишь необходимый минимум.

Остальное – перед вами. Кто страдает аллергией на пыль веков – может перелистнуть нижеследующие страницы.

Загадка первая. Люди ниоткуда

«Повесть временных лет» дает однозначный – и при этом совершенно непонятный – ответ на вопрос о происхождении слов «Русь» и «русские». Подробно перечисляя и коротко описывая восточно-славянские племена, летописец прямо указывает, что «русь» – племя не славянское, но второе название варягов. Причем от скандинавов (т.е. норманнов-викингов) «Повесть...» варягов-русь тоже дистанцирует.

Канонический отрывок летописи:

«...Варяги те назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами.“ И избрались трое братьев с родами своими, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

И больше ни слова о происхождении варягов-«руси».

Причем и в этом пассаже, и далее летописец разделяет варягов-русь, ставших князьями древнерусской державы, их боярами и ближними дружинниками, – и варягов иных, «не-русь», зачастую использовавшихся упомянутыми князьями в качестве наемников¹...

Вокруг этого небольшого отрывка уже не один век идет жестокая битва историков. Бьются славянофилы с западниками, иначе говоря, антинорманнисты с норманнистами.

История в виде более-менее близком к нынешнему – то есть как научная дисциплина – появилась в России при Петре Первом. И, как многие петровские начинания, возглавили ее иноземцы – Миллер и другие академики-немцы. Естественно, оказались они поголовно западниками и норманнистами. Точка зрения их была проста: аборигены ущербной, отсталой и дикой страны, бородатые дикари с дубинами пригласили немногочисленных цивилизаторов в лице норманнов-викингов, сиречь варягов-руси. Тоже, конечно, диких, – но слегка облагороженных общением с просвещенной Европой... В результате Русь несколько пообтесалась, но ущербной быть не перестала.

Спустя недолгое время появилось и антинорманнистское направление, возглавленное Ломоносовым. И началась битва, порой далеко выходящая за академические рамки, – Михайло Васильевич имел неоднократные взыскания от руководства Академии за манеру решать споры кулаками.

Более того, Ломоносов, отбросив на время научные изыскания, с детским энтузиазмом натаскивал свою собаку бросаться на норманнистов-западников. Говорят, шутка вполне удалась, – при одном только слове «норманнист» песик обрадованно запуская клыки в профессорские ляжки.

Начавшиеся в ту пору столкновения продолжают до нашего времени с прежним ожесточением – разве что собаками не травят. Рассказывать перипетии стычек не позволяют рамки этой главы – всем, интересующимся подробностями, можно порекомендовать достаточно полную и популярно, даже с юмором изложенную книгу, вышедшую не так давно в издательстве «Вече».

Стоит лишь коротко перечислить точки зрения корифеев исторической науки. Ломоносов считал варягов-русь пруссами (т. е. прибалтийскими славянами); Карамзин – скандинавами, Третьяковский – славянами (западными), Татищев – финнами, Эверс – хазарами (тюрьками-иудаистами), Юргевич – мадьярами, Костомаров – балтами (литовцами), Барац –

¹ Версия о том, что этноним «варяг» – ворог, враг – означал поначалу лишь любого вооруженного пришельца, представляется достаточно убедительной. В любом случае споры идут о происхождении слова «русь»...

евреями, Тивериадский – не народностью, но господствующим классом у славян, Шелухин – кельтами, Вернадский – частично норвежцами, частично датчанами (т. е. опять норманнами)...

Это, между прочим, серьезные исследователи. А сколько еще было и есть спекулирующих на исторических загадках околонучных шарлатанов...

Причем, что характерно, для каждой точки зрения находятся подтверждения в европейских, арабских, византийских хрониках. И опровергающие факты тоже находятся – в не меньших количествах. Но о них авторы очередной версии стараются умалчивать.

Для примера:

Норманнисты изо всех сил стараются связать главу наших варягов-руси Рюрика с известным по западным хроникам Рориком Ютландским. Но тот закончил свою жизнь отнюдь не в славянских землях, да и с датами жизни Рорика у норманнистов получается форменная свистопляска. Получается, что Рорик-Рюрик дожил до ста с лишком лет, причем зачал на девятом десятке сына Игоря и до последних дней проводил время в походах и боях (в русском варианте Рюрик умер во время похода на корелу, в западноевропейском – Рорик погиб в войне императора Лотаря с бургундским герцогом). К тому же людей, именовавших себя «русь», в окружении Рорика Ютландского не наблюдалось. Норманнистов это, впрочем, не смущает, – у них есть веский козырь: остров в Балтийском море с несколько созвучным названием – Рюген. Рорик Ютландский, правда, там не бывал, но это уже детали.

В общем, ученые мужи так к единому мнению о происхождении варягов-руси до сих пор не пришли.

И если отбросить все спорные и недоказанные версии, в сухом остатке обнаружится лишь одно: неизвестно откуда в середине девятого века на севере зоны расселения славянских племен (не слишком далеко от Ладожского озера) появилась большая группа вооруженных людей, именовавших себя «русью». Причем в плане боевой подготовки и вооружения русь на порядок превосходила местные славянские племена, что позволило им сначала захватить власть в Ладоге и Новгороде, а затем в течение 20 лет провести успешную экспансию на юг, до Киева и Причерноморья, – сплотив в результате разрозненные славянские племена в единую древнерусскую державу.

Характерный штрих – кем бы ни были воины-русы, но им оказалась гораздо привычнее ладья, чем боевой конь. Все походы первых Рюриковичей в IX веке и первой половине X века совершались по воде: и на Царьград, и на славянские земли, пока еще не вошедшие в состав государства...

Но загадка остается: кем были и откуда пришли варяги-русь?

Загадка вторая. Крепость низачем

Вторая загадка чисто военная, хоть и исторического плана, – и внимание историков, людей мирных, на себя почти не обратила.

Честно говоря, рассуждения историков о делах военных, – тема для отдельной статьи. Юмористической. Переведенные ими летописи, к примеру, приходится читать, постоянно сверяясь с оригиналом. А то покойный академик Лихачев, человек сугубо штатский, в своих переводах постоянно норовил назвать копьем что собственно копье, что сулицу, – не замечая разницы, известной любому поклоннику фэнтези. А во что превратилась под пером того же академика знаменитая атака конной «кованой рати» князя Святослава Ярославича под Сновском в 1068 г.? (Первый известный случай применения русскими таранного удара тяжелой рыцарской кавалерии, когда трехтысячная дружина князя буквально втоптала в землю вчетверо превосходящую половецкую конницу.) Вы будете смеяться, но вот как переводит Лихачев в описании пресловутой атаки древнерусское «ударisha в коне» (вариант в др. списках «ударisha в копьe»): у академика – «стегнули по коньям»! Каким местом, пардон, стегнули? В одной руке щит, в другой копьe – конья посылают вперед исключительно шпорами. В результате конный бой превратился у переводчика в соревнование по выездке. И у Гумилева, и у Вернадского, и у других, рангом пониже, предостаточно ляпсусов в описании того, *как* тогда воевали. Гуманитарии, одно слово...

Но вернемся к теме.

Северо-запад России вообще, и Ленинградская область в частности, богаты средневековыми крепостями, принадлежавшими в оные времена и новгородцам, и шведам, и орденским немцам. Ям и Копорье, Иван-город и Нарва, Корела и Выборг, Орешек и Старая Ладога... Автор этих строк побывал почти во всех. Взбирался на высоченный донжон Выборгского замка; с грустью бродил по городскому парку Кингисеппа, в который превратилась Ям-крепость – в ограждающих парк оплывших земляных валах с трудом угадываются контуры некогда грозных стен и башен; любовался строгой красотой бастионов Иван-города...

Но самое сильное впечатление, без сомнения, оставляет крепость Копорье. Сильное и странное. При взгляде на мощнейшие, не поддавшиеся ни людям, ни времени стены и башни цитадели поневоле встает вопрос: а зачем ее здесь построили?

И в самом деле: зачем?

Крепости издавна ставили на важнейших, имеющих стратегическое значение путях: морских, сухопутных, речных. Либо – возводили для защиты населения достаточно многочисленных городов – чаще всего возникавших на пересечении подобных путей...

Но второй вариант с Копорьем не проходит – мало-мальски крупных поселений на много верст окрест не наблюдалось, как и мирных жителей внутри стен крепости.

И от торговых путей Копорье весьма удалено. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить беглый взгляд на карту. Крепости Новгорода и Старой Ладogi прикрывают, соответственно, исток и устье Волхова – важнейшей водной артерии на пути из варяг в греки. Ниеншанц, Орешек, Ладскрона надежно блокируют Неву – другой этап того же пути. Причем обходной путь из Ладожского озера в Финский залив – Вуоксинская система – тоже на замке: с одной стороны шведский Выборг, с другой русская Корела. Ям (Ямбург) – на пересечении сухопутного тракта на Ревель и Ригу с рекой Лугой – ниже крепости судоходной. На пересечении того же тракта с Наровой (Нарвой), тоже в нижнем течении судоходной, – сразу две твердыни, на обоих берегах: Иван-город и Нарва.

Лишь Копорье – мощнейшая крепость, превосходящая почти все из вышеперечисленных, не защищает *ничего*.

Ревельский тракт проходит значительно южнее, до побережья Финского залива полтора десятка километров, а журчащая под крепостными стенами речка Копорка судоходна лишь для бумажных корабликов – и последние несколько тысяч лет отнюдь не была полноводнее...

С военной точки зрения – парадокс. Никто и никогда не тратит время, силы и средства на возведение и защиту никому не нужной крепости. Не бывает такого. Однако Копорье стоит – можно приехать, полазить по стенам и башням, отколупнуть камешек на память...

Может, информация – кто и когда построил крепость – даст ответ: зачем?

Не дает ответа. Нет у исторической науки данных о времени возведения и строителях крепости. Известны лишь первые упоминания о ней в летописях – в 40-х годах XIII века². Именно тогда южные берега Финского залива стали ареной столкновений развернувших «Дранг нах Остен» орденов немцев – с новгородцами, активно препятствующими означенному предприятию. Копорье несколько раз переходило из рук в руки – оставлять в тылу занятую врагом мощную крепость ни русские, ни немцы не желали.

Хотя – кровопролитных штурмов вполне можно было избежать. Фельдмаршал Шереметев, очищавший от шведов Ингерманландию во время Северной войны, мыслил вполне стратегически. И не стал подступать к занятому противником Копорью. Зачем? Шереметев взял штурмом действительно ключевые стратегические пункты, перечисленные выше. А шведский гарнизон остался сидеть за неприступными стенами Копорья, ничем и никому не мешая. Посидели шведы, посидели, доели припасы – и ушли сами.

Крепость стала русской. Подлатали взорванные шведами стены, поставили новые пушки, разместили многочисленный гарнизон... И лишь спустя полвека задумались: а зачем? Ответа так и не нашли. И Екатерина Вторая в 1763 году навсегда исключила Копорье из реестра боевых крепостей. Лишенные пушек стены и башни стали историческим памятником – хотя шведы в то время спали и видели сладкие сны о возвращении Прибалтики, и до последней их попытки реванша было еще далеко...

В отличие от гипотез о происхождении варягов-руси, версий, объясняющих загадочный факт существования Копорской цитадели, у историков немного. Мне удалось раскопать всего три – и ни одна не выдерживает самой поверхностной критики.

Судите сами.

Версия первая: место, на котором стоит Копорье, крайне удобно для обороны.

Действительно, Копорка речка хоть и крохотная, но протекает по дну изрядного каньона с отвесными стенами – и с этой стороны Копорская крепость неприступна. Все так. Но можно исхитриться и возвести замок – вовсе уж для средневековых армий недоступный – к примеру, на самой вершине Эльбруса. Только зачем? Никто и никогда не ставит укрепления там, где их трудно взять штурмом, – и нет иной причины для возведения. Должен быть объект защиты...

Версия вторая: некогда Копорье стояло на берегу залива, а затем море отступило, оставив не у дел прикрывавшую порт крепость.

Версию эту, кстати, упоминает известный собиратель фольклора Синдаловский – как «легенду местных жителей»³. Но в других источниках она как-то незаметно перешла из разряда легенд в разряд исторических фактов. Проталкивающим эту мысль гражданам стоило бы съездить в Копорье, оценить рельеф местности. Или хотя бы купить топографическую карту-километровку Ленинградской области – и взглянуть на отметки высот. Высота возвышенности, на которой возведена крепость – 120 метров над уровнем моря, и к заливу она понижается не обрывом, но достаточно полого. Волны тут плескались во времена войн кроманьонцев с неандертальцами – но и те, и другие в возведении долговременных фортеций не замечены.

² Случай не уникальный. В конце концов, не так давно мы праздновали 850-летие отнюдь не Москвы – лишь первого ее упоминания.

³ Н.А. Синдаловский, «Легенды и мифы пригородов Санкт-Петербурга», СПб, «Норинт», 2001 г. стр. 179

Версия третья: раньше Ревельский тракт пролегал севернее – через Копорье. Либо – параллельно ему шел другой, второстепенный – опять же через Копорье.

Проблема тут та же: топография. Сухопутные пути в старину прокладывались отнюдь не по кратчайшему геометрическому расстоянию между начальным и конечным пунктом. Кто проезжал по Таллинскому шоссе (проложенному ровнехонько по бывшему Ревельскому тракту) мог заметить – от Невы до Луги дорога не пересекает ни одной речки. Ни одной. Хотя Ленинградская область весьма ими изобилует. Причина проста – шоссе идет по самой вершине водораздела рек, текущих на север (бассейн Финского залива) и на юг (бассейн Луги). Соответственно, у путников не было проблем с весенними и осенними половодьями, сносящими мосты и заливающими броды, превращающими низкие берега в топкие болота. Путешествующие любым параллельным трактом – что севернее, что южнее – хлебнули бы этих проблем сполна. В новейшие времена – когда техника дорожных работ неизмеримо шагнула вперед – параллельная дорога появилась. Но – южнее, через Гатчину – Волосово – Веймарн – Кингисепп. Дорога эта куда богаче насыпями и мостами, чем Таллинское шоссе. И – очищается весной от снега на две-три недели позже, чем идущая по водоразделу. А севернее – через Копорье – путь в Прибалтику так и не проложили. Чересчур местность лесистая да болотистая...

Всё. Других версий, хоть как-то объясняющих причины возведения второй по значимости цитадели северо-запада, у историков нет. Молчит наука, как съели Кука...

Загадка третья. Запорожцы за Невою

Эта история произошла в Смутное время – и тоже из себя весьма смутная.

В главной летописи тех лет – «Новом летописце» – имеется запись за номером 365 «О войне черкасской». Черкасами в смутные времена в отличие от черкесов (т.е. кабардинцев) называли запорожских казаков.

Фабула малоизвестной истории проста:

В 1616-17 годах запорожцы (имена их вожаков летопись не называет) совершили набег на Московское государство. Именно набег, чисто с грабительскими целями. К крупным городам относительно немногочисленное войско казаков не подступало, от прямых столкновений с русскими ратниками уклонялось. Грабили посады, деревни... Вот только за одиннадцать лет войн и мятежей русскую землю успели пограбить все, кому не лень: татары и литовцы, поляки и шведы, профессиональные авантюристы, понаехавшие со всей Европы, и свои доморожденные любители. Запорожцам особой поживы уже не досталось – и их рейд несколько затянулся.

Маршрут пришельцев с Днепра вызывает невольное уважение: Новгород-Северский – Углич – Пошехонье – Вологодский уезд – Вага – Тотьма – Белое море – Каргополь – Новгородский уезд (Новгород Великий) – Приладожье...

Далеконько от дома занесло сородичей Тараса Бульбы... Естественно, в иных обстоятельствах столь вольготно гулять по Русской земле запорожцам никто бы не позволил. Но время было Смутное. Только-только утвердившаяся династия Романовых вела несколько войн одновременно – не считая партизанских действий всевозможных ватаг лихих людей. Прошли времена начала Смуты, когда оторвавшиеся от мирных дел люди вставали на защиту «истинного царя» против «ложного». К 1616 году ватаги так называемых «шишей» грабили и убивали просто из привычки к подобному образу жизни. Конкуренцию им составляли большие и маленькие отряды иностранных наемников, уцелевшие от разбитых воинств всевозможных претендентов на престол – начиная от многотысячного, на регулярно-военный лад организованного отряда знаменитого полковника Лисовского и заканчивая никому не известными бандами в несколько десятков головорезов. И все они грабили и убивали, убивали и грабили...

В общем, на этом фоне ничего загадочного в долгом и беспрепятственном походе черкасов нет. Загадка в другом. Никто не знает, куда делись в конце концов пришельцы-запорожцы. Последнее известие поступило с берега Ладogi, из Олонца: подступившие туда черкасы были отбиты. И исчезли. Испарились. Были – и не стало. «Новый Летописец» так и пишет: «сами пропали все».

Олонецкий воевода, понятно, радостно отрапортовал, что наглые пришельцы изничтожены его стараниями. Что крайне сомнительно: шли (вернее, плыли на маломерных судах) запорожцы куда более людными местами и «нигде... им вреда не было». А воевода, имевший под командой полсотни стрельцов, одним махом всех изничтожил? Почему тогда, вопреки принятой практике, не отправил закованных в цепи главарей (или хотя бы их головы) в Москву? Пойманного аж в астраханских степях атамана Заруцкого привезли и представили пред царевы очи. И других супостатов представляли...

Но в Москве сделали вид, что верят. Сгинула напасть – и ладно. Может, потонули все, пересекая на челнах бурную Ладogu. Или в болоте заблудились, как мифические поляки, ведомые мифическим Сусаниным...

Но банальная логика подсказывает, что черкасам, вообще-то, пора было собираться восвояси. Возвращаться прежним кружным путем – долго и опасно. Более короткая дорога – пробираться северо-западными окраинами к верховьям Днепра и сплавляться по нему к Запорожью. Собственно, такой водный путь был известен издавна – через Балтику и Западную Двину.

Морские путешествия на легких суденышках запорожцев не пугали – даже дальние анатолийские берега Черного моря страдали от их набегов. Но возникло препятствие – водный путь из Ладожского озера в Балтийское море (т. е. Нева) оказался надежно перекрыт...

Выход был один – бросить суда на Ладоге, обойти Неву посуху, и на берегах Финского залива построить новые. Если предположить, что этот тривиальный план черкасы приняли к исполнению – то в результате они оказались бы в непосредственной близости от Копорской крепости...

А теперь попробуем свести все три загадки вместе. Итак:

Стоит мощнейшая крепость – не защищающая никаких *видимых, явных* путей. В тех же местах непонятно откуда *появилась* большая группа вооруженных людей, называвших себя «русами». Там же спустя семь с половиной веков бесследно *исчезла* большая группа вооруженных людей, называвших себя «русскими».

Версия (как и обещано – фантастическая)

Надо думать, любители фантастической литературы уже догадались.

Да-да, именно это автор имел в виду.

Дыра во времени.

Хроноколодец, ведущий на семь с половиной веков назад, – спрятанный в подземельях возведенной именно для его защиты крепости и отысканный неумолимыми любителями поживы. Запорожцами...

Бред, говорите?

Путешествия назад во времени невозможны? По крайней мере, до тех пор, пока не будет разрешена простенькая такая техническая проблема: как превзойти скорость света?

Хорошо. Пусть бред.

Но если в заведомо бредовую теорию последовательно подставлять известные факты, должны рано или поздно выявиться логические противоречия. Нестыковки. На чем, собственно, и основан метод доказательства «от противного»...

Так давайте – для интереса – попробуем доказать невозможность данного конкретного временного провала «от противного» (в дальнейшем ОП)... Вдруг не получится?

Доказательства (вполне реалистичные)

Любой критик, выступающий ОП, без сомнения, скажет: что-то у вас логика, господин писатель, на обе ноги хромает. Строили неприступную крепость для защиты и маскировки некоей хроноаномалии – а ватага запорожцев захватила цитадель легко и просто? Да еще так, что ни слова об этом захвате не попало в хроники?

А все действительно оказалось просто. Очень удачный момент подвернулся.

Именно тогда и именно в тех местах проводились мероприятия по исполнению статей Столбовского мирного договора со Швецией. Говоря современным языком – противоборствующие стороны разводились за демаркационные линии.

Боярин князь Даниил Мезецкий принимал в это время под государеву руку покинутые шведскими гарнизонами Новгород, Старую Руссу и другие отошедшие к России земли. В Припевье и в Ингерманландии шел обратный процесс – русские уходили, приходили шведы. Опустевшее Копорье казаки, очевидно, заняли без боя. И – покопались в подземельях в поисках чего-либо интересного... И откопали...

А полезли в непонятно куда ведущую дыру, надо понимать, не от хорошей жизни. Подошедшие шведы вполне могли попытаться уничтожить силой оружия самочинных захватчиков.

И что?

Что должны были подумать вылезшие из расщелины или пещеры люди – вылезшие в собственное прошлое и не имеющие об этом понятия?

Ничего хорошего подумать они не могли. Могли попробовать вернуться – договориться со шведами или пробиться с боем. Но дорога оказалась с односторонним движением... Возможно, уходя из крепости, казаки обрушили взрывом начало того, что казалось им банальным подземным ходом. Но вполне вероятно, что взорвали (замуровали?) таинственный проход шведы – после того как никто из посланных ими в погоню не вернулся...

Скорей всего, вражда быстро угасла – едва преследуемые и преследователи оказались под чужим небом. По крайней мере тот факт, что часть варягов-руси носила скандинавские имена, свидетельствует именно об этом. А вот ближайший сподвижник Рюрика – Синеус, севший чуть позже на княжение в Белоозерье, обладал подходящим для казачьего атамана прозвищем. Батька Синеус – звучит вполне по-запорожски...

Кстати. Есть такая широко известная картина художника Лебедева «Встреча Святослава с императором Иоанном Цимисхием». Надо сказать, что князь Святослав (внук Рюрика) с этой картины вполне мог бы занять место на другом полотне – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» – и ничем бы не выделялся среди прочих персонажей Репина. Те же длинные висячие усы, тот же оселедец на бритой голове, – типичный запорожец. А Лебедев изобразил Святослава не абы как, но следуя описанию из летописи...

Но вернемся от живописи к истории.

Вполне логично, что среди честной компании после такого потрясения начался разброд и шатания. И – произошел раскол.

Меньшая часть запорожцев-руси – во главе с Аскольдом и Диром (скорее всего, это искаженные прозвища, а настоящие имена их другие⁴) – почти сразу двинулась на родной Днепр. Понятное дело, Сечи они там не обнаружили, захватили власть в небольшом тогда Киеве и занялись любимым и знакомым делом – пиратством на Черном море. Причем замахнулись сразу на Стамбул (тогда еще Константинополь) – донельзя обрадовавшись отсутствию турецких эскадр, в семнадцатом веке нещадно охотившихся на запорожские суда...

⁴ Византийские документы называют Аскольда попросту Росом – еще одно прозвище. Едва ли мы когда-либо узнаем настоящее имя этого человека...

Большая же часть – во главе с Рюриком, Синеусом и Трувором – осталась на севере. И они тоже занялись привычным делом – грабили приильменских славян, а заодно и живущие в окрестностях финно-угорские племена. Те не стерпели, объединились – и вышибли пришельцев обратно к побережью Финского залива – не помогло превосходство ни в оружии, ни в боевой выучке.. Однако уже через год победители настолько перегрызлись между собой, что пригласили русь обратно... Навести порядок и княжить... Те пришли, и стали княжить – но вот отчего-то им не княжилось на северо-западе. Тянуло к Запорожью со страшной силой... Обратный путь занял двадцать лет. Кстати, никто из норманнистов так и не объяснил, почему Рорик Ютландский (если он и Рюрик Русский – одно лицо), а после его потомки и соратники так рвались на юг, к Днепру. Рорик, по идее, будь он скандинаво-германского происхождения, тосковал бы по Европе...

Вопрос ОП: если запорожцы – сиречь варяги-русь – были столь яркими сторонниками православия, то почему начали христианизацию вновь созданной державы лишь спустя век после ее образования?

Ответ: но ведь в конце концов начали! А Париж, как известно, стоит мессы... Да и весьма сомнительно, что в странствующем таборе запорожцев были священники, способные провести столь масштабное мероприятие. Недаром впоследствии пришлось обращаться к греческим специалистам... К тому же христианизация Руси, предпринятая Владимиром «Святым» – правнуком Рюрика – была самой масштабной, но отнюдь *не первой*.

Татищев, к примеру, насчитал ни много, ни мало – шесть крещений славян и Руси!⁵ При чем попытку епископа-латинянина Адальберта Татищев не учел – явно из политических соображений XVIII века, хотя во времена Адальберта разделение церквей еще не произошло...

Аскольд, в любом случае, христианином был и не скрывал этого... Что весьма повредило ему в глазах подданных-язычников. Когда добравшиеся наконец до Киева последователи Рюрика убили Аскольда и Дира, киевляне отреагировали достаточно индифферентно. Рюриковичи действовали хитрее – на словах клялись в верности Перуну и Триглаву, а на самом деле... По крайней мере, дружине своей (в нашей версии – потомкам православных запорожцев) христианскую веру исповедовать князья не мешали, и православные храмы стояли в Киеве задолго до повального крещения 988 года. И порой – из политических соображений, связанных с русско-византийскими отношениями – киевские князья *переставали конспирировать* свою истинную религию... (Сравнивая некоторые летописные источники, можно сделать интересный вывод: известная княгиня Ольга приняла крещение от византийского базилевса *уже будучи* христианкой!)

Контрвопрос сторонникам версий о скандинавском, хазарском, финнском и т.п. происхождении варягов-руси: а почему поклонявшиеся Одину викинги, или хазары-иудеи, или финны-полиспиритуалисты не пытались привнести в славянский мир *свою* веру? По крайней мере, достаточно заметных следов культа Иеговы или Одина не обнаруживается (упоминания об исповедовавших иудаизм киевлянах никак не касаются князей и их дружинников – очевидно, сказалось влияние на торговую прослойку соседней иудаистской Хазарии).

Вопрос ОП: вооружение XVII и IX веков несколько разнится. Где упоминания об огнестрельном оружии варягов-руси?

Ответ:

Во-первых, если вчитаться в воспоминания очевидцев⁶ сражений Смутного времени, то становится ясно: главной ударной силой тогда были не мушкетеры и не артиллерия, но конные

⁵ В.Н. Татищев, «История Российская», с/с т. 1, М., «Ладомир», 1994г., стр. 102-106.

⁶ Вместо набившего оскомину Маржерета, на которого ссылаются все, кому ни лень, советую почитать «Записки» Конрада Буссова – немецкого наемника, почти сорок лет проведенного на русской службе. Документ удивительный. Удивляющий той толерантностью, с которой автор – человек чисто европейского мировоззрения – относится к России и русским; и убеждением Буссова, что самобытные обычаи любого народа никак нельзя с лету объявлять дикостью и варварством. Вот бы у кого

копейщики. К тому же в результате затажного рейда запасы «огненного зелья» у варягов-руси наверняка истощились, а специалистов по его изготовлению могло в их рядах и не найтись...

Во-вторых, если археолог вдруг обнаружит остатки проржавевшей пищали в слое, датированном IX веком – какая будет реакция? Однозначная: датировка неверна! Это проще, чем предположить наличие у варягов «огненного боя».

В-третьих, – есть такие упоминания! Если помните – согласно летописям, княгиня Ольга сожгла Искоростень – столицу убивших ее мужа древлян – атакой с воздуха, привязав горящий трут к лапам голубей и воробьев, взятых с города в качестве дани. Орнитологи утверждают, что такое в принципе невозможно – испуганная огнем птица полетит куда угодно, кроме родного гнезда. И каких только предположений не строилось на эту тему (чаще всего упоминались византийцы, зачем-то поделившиеся «греческим огнем» – хотя незадолго до того именно это ноу-хау помогло им разбить угрожавший Царьграду флот Игоря, мужа Ольги). В нашей версии объяснение проще и логичнее – разгневанная княгиня извлекла из тайников сберегаемое на самый черный день секретное оружие Рюриковичей. И разнесла стены Искоростеня банальными минами... Дымный (черный) порох – а в семнадцатом веке иного не было – в сухом месте можно хранить практически вечно (лишь бездымные нитропороха со временем разлагаются). Пищали и пистолы, надо думать, давно пришли в негодность и были перекованы на что-нибудь более полезное...

Вопрос ОП: если на территории нынешней Ленинградской области имела (имеет?) место некая дыра во времени, то почему нет сведений об иных прошедших через нее людях? Почему *просочившиеся* солдаты Петра Первого не вмешались в междусобойные разборки Рюриковичей? Почему какая-нибудь группа советских бойцов-окруженцев не оказалась в тринадцатом столетии – и не показала псам-рыцарям кузькину мать при помощи ручных гранат и трехлинейных винтовок?

Ответ: скорее всего варяги-запорожцы-русь не сразу поняли, куда они попали. Но выход из того, что мнилось им подземным ходом, – засыпали во избежание погони (если помните, на хвосте у них висели не только шведы, но и русские воеводы). Больше того, можно предположить, что рядовой состав так до конца ничего и не понял. Тайна межвременного прохода осталось собственностью исключительно верхушки запорожцев...

А она, эта верхушка, поредела весьма быстро. Трувор и Синеус умерли, не оставив потомства – и едва ли своей смертью. Аскольда и Дира Рюриковичи уничтожили – и об их потомках тоже ничего не слышно. Тайна будущего Копорья стала *семейной*... И, надо думать, передавалась старшему в роду.

Однако – преемственность в этой малосимпатичной семейке зачастую нарушалась путем братоубийств и узурпаций. Рискну предположить, что последним Рюриковичем, полностью посвященным в тайну, был Святополк Владимирович, не слишком справедливо заклеяменный летописцами прозвищем «Окаянный» (хроники, как водится, редактировали победители в братской усобице).

Напомню кратко историю Святополка:

Он был старшим сыном Владимира «Святого» и после смерти отца вполне законно занял киевский престол. Впоследствии, узурпировав власть, его сводный младший брат Ярослав «Мудрый» активно распространял слух, что Святополк лишь пасынок Владимира, родившийся от его брата, великого князя киевского Ярополка (убив старшего брата, Владимир «Святой» женился на его вдове, якобы уже беременной Святополком). Впрочем, с династической точки зрения это ничего не меняло. По принятому тогда на Руси «лествичному» праву претензии Святополка на престол были куда обоснованней Ярославовых – неважно, от которого из великих князей он родился. Ярослава же от заветного престола отделяла череда братьев. Но они –

брatья – вдруг отчего-то стали гибнуть насильственной смертью один за другим: Борис, Глеб, Святослав... Мудрый Ярослав тут же обвинил в убийствах старшего брата Святополка (хотя тому-то зачем было?) и двинулся на Киев во главе войска новгородцев и варягов (не варягов-руси, но обычных скандинавских наемников). Проиграв сражение при Любиче, Святополк бежал. Ярослав захватил Киев.

Дважды Святополк предпринимал попытки вернуть престол. Один раз удачно – при помощи польского короля Болеслава, но долго в Киеве не усидел, вновь изгнанный Ярославом. Второй раз, при помощи печенегов, – неудачно. После разгрома на Альте в 1019 году Святополк вновь бежал. И – исчез. Бесследно исчез...

Киевский летописец скупо сообщает: якобы бежал преследуемый князь в Польшу, где и умер. Причем приводимые подробности смерти выглядят явно надуманными и дидактическими. Да и вообще – вариант крайне маловероятный. Всего лишь за год до того король Болеслав, помогавший вернуть престол, стал забирать все большую власть в Киеве – и по призыву Святополка его подданные восстали против поляков, и многих перебили, – Болеслав едва унес ноги. Святополка ждал на западе, в Польше, прием отнюдь не радушный... «Первая новгородская летопись» дает иной вариант: Святополк вновь бежал в степи, к печенегам, – где бесследно пропал. Но туда, пожалуй, ему тоже подаваться не стоило – вместо обещанной богатой добычи печенеги получили лишь усыпанное телами степных воинов Альтинское поле...

Куда в таком случае мог устремиться Святополк, спасаясь от брата? Либо на восток, в Волжскую Булгарию, либо на север, к скандинавам. Булгары в русские усобицы старались не вмешиваться – и вполне могли выдать беглеца. А вот варяги-скандинавы охотно предоставляли воинов князьям, потерпевшим поражения в разборках с родственниками. Но до них Святополк не добрался...

Версия: уходя на север и спасаясь от дышащей в затылок погони, Святополк воспользовался старой семейной тайной. Разблокировал Копорский проход и... Где искать следы его и его свиты (а может и преследователей?), неизвестно. История восточно-славянских земель дорюриковой поры – сплошная терра-инкогнита. Интересный момент – в некоторых хрониках утверждается, что могилой Святополка стала разверстая пещера с исходящими оттуда смрадными испарениями – куда князь угодил *живым*; намек летописцев ясен: «окаянный братоубийца» попал прямехонько в ад, без всяких промежуточных инстанций... Надо думать, никто из рискнувших проверить: в ад или нет ведет пресловутая пещера – назад не вернулся... И – в рамках нашей версии – эпизод с пещерой надо понимать не как поэтическую метафору, но вполне буквально.

Ярослав «Мудрый» – узурпатор-братоубийца и сын узурпатора-братоубийцы – мог и не знать семейной тайны. Но возвращения исчезнувшего брата опасался до конца жизни – недаром приложил столько усилий, дабы очернить его в «мнении народном». Именно тогда и появилась в пустынной местности на берегу реки Копорки крепкая воинская застава – превратившаяся впоследствии в мощнейшую цитадель...

Заключение

Объем этой главы, к сожалению, не позволяет привести все доводы в пользу того, что возникшие ниоткуда варяги-русь и исчезнувшие в никуда черкасы-запорожцы – одни и те же люди. К тому же среди этих доводов неоспоримых нет – историки-профессионалы давно научились объяснять необъяснимые вещи...

Но Смутное время – в отличие от эпохи вояжирования Рюриковичей – оставило после себя достаточно письменных документов. И если кто-то обнаружит в малоизвестных мемуарах или в частной переписке той поры упоминание о казачьем атамане по прозвищу Синий Ус или Синеус, то...

То стоит произвести весьма тщательные раскопки в подземельях Копорской крепости. Тщательные – и крайне осторожные. Потому что археолог, неосмотрительно шагнувший в пустоту, развернувшись за вскрытой подземной стеной, – может оказаться очень далеко от коллег.

Точнее говоря – очень давно...

Глава вторая. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

– Я – историк, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет занятая история!
М. Б. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Фантасты любят историю – исторический, извините за каламбур, факт. Любовь, надо сказать, безответная – история (в лице изучающих данную науку ученых) фантастов недолюбливает. Оно и понятно: фантасты в архивной пыли не роются, дабы сделать в результате многолетней кропотливой работы скромное, не сенсационное открытие, понятное лишь узкому кругу специалистов. Им, фантастам, размах подавай, – и пишут они историю альтернативную. А вот что, например, случилось бы, когда бы турки Петра Первого, окруженного с армией под Прутом, не выпустили бы за взятку – в плен бы взяли да кол бы посадили? Куда бы повел Россию царь Алексей Петрович, отцовских нововведений не жаловавший? И понеслась фантазия галопом... А история и историки сослагательного наклонения не терпят, им частица «бы» – как красная тряпка для крупного рогатого скота.

Писатели-фантасты, однако, другого мнения: альтернативная, но все же история. А история, как известно, наукой числится. И, для придания пушей наукообразности, используют писатели, когда рассуждают об «альтернативке», всевозможные солидно звучащие термины. Точка бифуркации, например. Точка, в которой история на мгновение застывает подобно вставшей на ребро монете: с равным успехом может выпасть и орел, и решка.

Ученые-историки, предпочитающие работать с закономерностями исторического развития, точки бифуркации недолюбливают. Признают сквозь зубы: да, имеют место таковые. Но решающего влияния не оказывают. Умер бы, дескать, Володя Ульянов-Ленин в младенчестве, возглавил бы революцию Бронштейн-Троцкий, только и всего, все остальное не изменилось бы. Не очень убедительно... Другой была бы та революция, и страна после нее другой бы стала, и вообще вся история пошла бы иначе.

* * *

Вопрос: а какая точка бифуркации в минувшем двадцатом веке самая важная, самая главная?

Тут, понятно, сколько людей, столько и ответов... Одни считают такой точкой штурм Зимнего, другие – полет Гагарина, третьи – перестройку в СССР и сопутствующие ей события...

Однако представляется мне, что главное событие века все же Вторая мировая война. А главное событие войны – Сталинградская битва. Перелом. Даже если бы Москву немцам сдали, даже если бы Ленинград вымер от голода до последнего человека, – шансы на окончательную победу оставались. А вот если бы перерезали немцы Волгу, главную нефтяную аорту страны, – все, конец. Долго без кавказской нефти Советский Союз не провоевал бы, а другой у нас в те годы и не было. И о высадке англо-американцев в Нормандии при таком раскладе не стоит говорить – даже если бы рискнули сойтись с вермахтом один на один, повторили бы Дюнкерское позорище, только и всего (они и без того едва не повторили – в Арденнах).

Итак, Сталинград...

Казалось бы, ход и подробности Сталинградской битвы давно и всенародно известны, все читали и слышали про Мамаев курган и дом сержанта Павлова; у всех на слуху подвиги героических гвардейцев Родимцева и знаменитые слова «За Волгой для нас земли нет»; последняя

страница великой битвы – капитуляция фельдмаршала Паулюса, – тоже отражена в огромном количестве художественных и мемуарных произведений.

Но есть в величайшей драме страницы, торопливо перевернутые и позабытые, хоть повествуют они о моментах, которые могли неожиданно повернуть ход решающей битвы Второй Мировой войны, и всей истории двадцатого века, – о точках, так сказать, бифуркации.

Они отнюдь не засекречены, эти страницы, они просто мирно пылятся, задвинутые на самую дальнюю полку нашей истории. Давайте стряхнем пыль и полистаем?

1. Случай с командармом Руденко

Сергей Игнатьевич Руденко, будущий маршал авиации и Герой Советского Союза, командовал в дни Сталинградской битвы 16-й воздушной армией, входившей в состав Донского фронта генерала Рокоссовского. И вот что с ним произошло.

Конец октября 1942 года. Бои в Сталинграде в самом разгаре. Паулюс рвется к Волге, не считаясь с тяжелейшими потерями. Нашим тоже несладко, читать скудные строки о тех днях (даже в прошедших военную цензуру мемуарах) порой просто жутковато...

А на левобережье Волги в глубочайшей тайне готовится сокрушительное наступление, накапливаются громадные ресурсы: люди, оружие, техника, боеприпасы... На правый берег, к двум удерживающим Сталинград армиям, подкрепления перебрасывают крайне скупое: зверь должен поглубже залезть в капкан, и Паулюс, и Гитлер так до самого момента контрудара должны верить, что русские сопротивляются из последних сил, – еще чуть-чуть немцам поднажать, и все будет кончено.

В штабах трех наших фронтов, участвующих в операции, кипит работа, шлифуются последние детали грандиозного и неожиданного удара. Воздушной армии Руденко, которая составляет фактически всю авиацию Донского фронта, роль отводится громадная. Ставка приказала ясно и однозначно: подавляющее господство в воздухе должно быть достигнуто в первые даже не дни, а часы контрнаступления. Без этого преимущества наземным войскам полностью задачу не выполнить. А самолеты Руденко, кроме своего фронта, должны действовать и в полосе наступления соседних, Сталинградского и Юго-Западного фронтов.

И вот вызывает командарма Руденко главком ВВС Красной Армии генерал (впоследствии маршал) Новиков. Срочно вызывает в свой штаб – еще раз проработать все варианты действий. А высокие штабы, подлаживаясь к Ставке Верховного Главнокомандующего, работали в то время в основном по ночам. Все бы ничего, но получил Руденко вызов главкома ВВС, находясь в самой дальней от его штаба 228-й дивизии штурмовой авиации, расквартированной на противоположенном фланге Донского фронта. Машиной ехать – только к утру и доберешься. Транспортный ПО-2, на котором Руденко прилетел, – «небесный тихоход», на нем тоже к началу совещания не успеть. А по вызовам главкомов опаздывать не принято.

Так Руденко решает на боевом самолете лететь, на штурмовике «Ил-2». Не за штурвалом, хотя пилотировать любил и умел блестяще, – пассажиром. А «Илы», надо сказать, выпускались тогда двух модификаций: двухместные, со стрелком, прикрывающим заднюю полусферу, а также, в целях облегчения и удешевления, одноместные. У одноместных задний отсек (за спиной пилота, отделенный от него броневой стенкой) пустовал – ни кресла, ни оборудования, ни вооружения. И как на грех, под рукой у Руденко только одноместные и оказались.

Но делать нечего, лететь надо. Втискивается командарм (нестарый еще мужик, сорока не стукнуло) в неудобную тесноту – полетели. А за штурвалом один из лучших летчиков дивизии, при этом он же еще и инструктор по технике пилотирования.

Долетели нормально, провел Руденко с Новиковым и его штабом ночь над картами и планами, а утром собрался обратно, все тем же транспортом. Залезает в свою уже ставшую привычной каморку, прижимая к груди полученный в штабе пакет с секретнейшими документами. А поскольку совсем рассвело, после взлета наблюдает проносящийся внизу пейзаж. Привязку карты к местности производит.

И спустя какое-то время обнаруживает командарм странный и крайне неприятный факт – летит его самолет не туда, куда надо. А совсем даже под углом девяносто градусов к заданному направлению. Проще говоря, рулит пилот напрямиком к линии фронта, предоставляя Руденко решать поганую довольно дилемму: или летчик, дурак, просто заблудился, или он, подлец, решил перелететь к немцам.

Оба варианта одинаково плачевны – даже если нет тут преступного намерения, все равно одинокий штурмовик над вражеской территорией собьют моментально. А уж Руденко прекрасно знал, как тщательно изучают обломки любого сбитого самолета. Простая карта из полетного планшета летчика с нанесенным расположением своих и чужих частей цену имеет для противника немалую. А тут документы, раскрывающие в подробностях весь план грандиозного наступления. Даже несведущему в военной науке человеку ясно: попадут бумаги командарма в руки к немцам – и сражение проиграно еще до его начала.

Связи между задним отсеком и местом пилота нет. Оно и понятно, не предназначена эта модель для пассажиров. Для начала Руденко попробовал до летчика достучаться – бесполезно, у того шлемофон на голове, да и рев двигателя все посторонние звуки глушит. Попытался откинуть прикрывающий и отсек, и пилотскую кабину колпак-фонарь – результат нулевой, раз в отсеке сидеть по уставу никому не положено, то и ручек изнутри не имеется. По той же, кстати, причине и парашюта у командарма нет, – спасая пакет, над своей территорией не выпрыгнешь...

У горизонта показалась светлая полоска Дона. По Дону фронт, за Доном немцы...

Руденко обреченно хватается за личное оружие. А личное оружие у командарма – трофейный маузер. Но не то громоздкое и длинноствольное чудище с деревянной кобурой, каким комиссары в кожанках стращали кулаков и выводили в расход белогвардейцев. Нет, у него изящная, серебром отделанная короткоствольная игрушка, целиком помещающаяся на ладони. Пульки крохотные, калибра 6.35 мм. Из такого оружия не то что в пилота через бронированную стенку палить – из него и застрелиться-то, от позора, можно только при большой удаче и хорошем знании анатомии.

И тут командарма, этого воздушного графа Монте-Кристо, втискивает в стенку его узилица, – самолет делает поворот. Руденко отлепляется и снова к колпаку, взглянуть, что там еще судьба ему готовит. Штурмовик летит уже не прямоком к Дону, а под пологим углом, вдоль пересекающей степь железной дороги. Мелькает надежда: может, все же дурак? Может, все-таки заблудился?

По крайней мере, небольшую передышку для раздумий Руденко получил. Но раздумья все равно невеселые. Очень скоро выбранный маршрут пойдет вдоль линии фронта, над самыми нашими передовыми порядками, а то и над разделительной полосой. А командиры вражеских частей не любят, когда у них над головой одинокие «Илы» шныряют, неважно, для штурмовки или для разведки. Руденко живо представил, как начнут они накручивать ручки полевых телефонов, вызывая истребители на подмогу. А штурмовик хоть и зовется летающим танком, но звено «мессеров» собьет его однозначно и быстро.

И Руденко понимает, что при приближении такого исхода должен он пакет уничтожить. Ощупывает торопливо карманы: нет ни спичек, ни зажигалки. Что делать?

В юности командарм читал очень тогда популярную повесть Леонида Пантелеева «Пакет». Там попавший в схожую беду красноармеец пакет легко и просто съедает. Смотрит Руденко на свой огромный и толстенный опечатанный конверт – такой не то что прожевать, от такого и откусить весьма проблематично. А фронт все ближе.

Начать трапезу загодя, вскрыв пакет и порвав на порционные кусочки документы – а вдруг пилот, эта заблудшая овечка, осознает сейчас свою ошибку и повернет в родные пенаты? Ждать, пока на хвосте «мессера» повиснут – воздушные бои скоротечны, больше одного кусочка разжевать и проглотить не успеешь. Ситуация...

Пакет, кстати, снабжен пометкой, что вскрыть его Руденко имеет право только в час «Ч» и в присутствии своего штаба. И если сейчас эту грудку бумаги сожрать, то на десерт надо стреляться – все равно либо позорный плен у немцев, либо трибунал с расстрелом у наших...

Внизу показалась станция Фролово, железная дорога расходится в две стороны. Момент критический: куда летчик повернет, направо, к немцам, до которых несколько километров,

или налево, к нашим? Штурмовик, снова втиснув Руденко в борт, закладывает *правый* вираж. Изменник, решает командарм, и тянется к пакету. Слюна при виде сургучно-чернильной трапезы исчезает во рту полностью. Однако самолет продолжает забирать все больше вправо, и, описав почти полный круг, поворачивается в нашу сторону. Руденко облегченно вздыхает: у-у-ф-ф, все же дурак... А «Ил» продолжает свою карусель и снова направляется к немцам. И так три раза, добавляя с каждым витком седых волос пассажиру...

А потом, словно решив, что шутка вполне удалась и можно ее заканчивать, летчик ложится на правильный курс и летит напрямик на родной аэродром, где спустя полчаса благополучно приземляется. Руденко на негнущихся ногах молча идет в сторону пилота – полетного, если кто забыл, инструктора. А тот, улыбаясь, докладывает: мол, извините, товарищ генерал-лейтенант, чуть-чуть заплутал на обратном пути, только у Фролово определился...

Никому не рассказав, на каком тонком волоске висела в то утро судьба великой битвы, только много лет спустя Руденко мельком упомянул в своих мемуарах этот эпизод, написав, что всего лишь «крепко отчитал виновника». Уж позвольте усомниться, товарищ маршал...

2. Неожиданные союзники Гитлера

День контрнаступления назначили на ноябрьские праздники 42-го года. Как-никак четверть века Великому Октябрю, надо отметить юбилей чем-то выдающимся. А потом внезапно перенесли дату на десять дней позже. Почему? Ведь каждый день увеличивает вероятность, что противник обнаружит огромное скопление людей и техники, что предпримет соответствующие меры, сведя на нет фактор внезапности. Генералы и маршалы отвечают в своих мемуарах коротко: не были готовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.